

■ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

И.В. ДАВЫДОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОМЕТОДОЛОГИИ: ВЛИЯНИЕ Т. ПАРСОНСА И А. ШЮТЦА НА ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ ПОЗИЦИЮ Г. ГАРФИНКЕЛЯ

Этнометодология Гарольда Гарфинкеля сформировалась под влиянием теории социального действия Толкотта Парсонса, признанного лидера отделения социологии в Гарвардском университете, где Гарфинкель был аспирантом, а также идей Альфреда Шютца, которые Гарфинкель считал альтернативой парсонсовскому решению проблемы социального порядка. Однако между Шютцем и Парсонсом существовали определенные разногласия, получившие отражение в частной переписке 1940–1941 годов. Эти документы, опубликованные в 1978-м году, проясняют теоретические истоки этнометодологии.

Разногласия между Шютцем и Парсонсом

В конце 1938 — начале 1939 года Хайек предложил А. Шютцу написать для редактируемого им журнала «Economica» рецензию на недавно вышедшую монографию Т. Парсонса «Структура социального действия». В результате на свет появилась объемная рукопись, которую Шютц отправил Парсонсу для комментариев и замечаний. В этой работе рассматривались: конкретный и аналитический уровни восприятия и анализа; волюнтаристская теория действия и соотношение научного знания и знания актора; мотивы действия; «единичное действие» и его границы; субъективная точка зрения; типы и реальность; соотношение социальной жизни и социологической теории [1, р. 22-23]. Фактически, Шютц изложил собственную программу социальной науки. Дискуссия, последовавшая за первым письмом, вскрыла всю глубину разногласий между Парсонсом и Шютцем.

Давыдова Ирина Владимировна — Ph.D., преподаватель Манчестерского университета. Адрес: Roscoe Building, The University of Manchester, Oxford Road, Manchester M13 9PL. Телефон: (+44) 0191-2661808. Электронная почта: i.davydova@man.ac.uk

Предметом спора была проблема концептуализации явлений субъективности и интерсубъективности. Шютц ставил вопрос следующим образом: «Какие из элементов теоретической схемы действия (action frame of reference) являются действительными категориями мышления актора и тем самым субъективными в строгом смысле этого слова, а какие — просто приемлемыми схемами интерпретации со стороны наблюдателя, и тем самым объективными категориями?» [1, p. 29]. Шютц считал большим достижением Парсонса идею, что волонтаристская теория действия не имеет смысла без учета субъективной точки зрения действующего субъекта. Однако, по Шютцу, Парсонс ищет не действительно субъективные категории, а всего лишь «объективные категории для интерпретации субъективной точки зрения» [1, p. 36].

Рассмотрим аргументы Шютца подробнее. Прежде всего, Парсонс «наивно идентифицировал научное знание и научную логику с рациональным элементом действия как таковым» [1, p. 27-28]. Сам Шютц настаивал на принципиальном различии суждений и форм знания, характерных для повседневного мышления актора, и научной рациональности. Он рассуждал следующим образом. Главные свойства научных суждений: ясность, отчетливость и точность. Сами по себе, будучи необходимым условием научности, они нетипичны для повседневного мышления, которое лучше всего характеризуется выражением «здравый смысл». Здравый смысл обычно привязан к необходимости, вытекающей из конкретной ситуации, и его суждения обладают ясностью лишь постольку, поскольку актор заинтересован в прояснении сложных обстоятельств. В повседневной жизни никто не стремится выяснить истинную природу фактов или реальную сущность причинных связей и естественных законов. Хорошо информированный человек обладает лишь частичным знанием и пониманием мира, в котором протекает его повседневная жизнь. Верификация — это категория знания наблюдателя, точнее, ученого, наблюдающего действия и действующих субъектов социального мира. Иными словами, это категория, специфичная для объективной точки зрения. «Как правило, конкретный актор не рассматривает вопрос о том, насколько его запас опыта и здравый смысл (его коллекция рецептов, привычные убеждения, надежды и страхи), представляющиеся ему в виде шансов на успех, риска, вероятных или невероятных событий, приемлемых средств для определенных целей, можно верифицировать средствами эмпирической науки» [1, p. 28]. Как актора его интересует не поиск истины, а только шансы реализовать свои, исходящие из здравого смысла, предсказания. Таким образом, концепция научного знания несовместима с субъективной точкой зрения. Но в то же время нельзя сказать, что схемы соотношения средств с целями, которые человек применяет в своей повседневной деятельности, нелогичны, неразумны или нерациональны. Это тоже логика, только особая.

Рассматривая границы единичного действия (unit act), Шютц также настаивает на различии смысла основных категорий в зависимости от того, принимается субъективная или объективная точка зрения: «Никоим образом мы не можем говорить о единичном акте с субъективной точки зрения и в то же время принять предположение, что границы этого акта определены наблюдателем» [1, p. 41]. Только сам актор знает, когда действие началось и

когда оно закончилось, поскольку «только система мотивов определяет для актора значение конкретного акта, который он собирается совершить» [1, р. 38-39]. Наивно¹ занятый своими повседневными делами, актер руководствуется субъективно последовательной системой для-того-чтобы мотивов², которые строятся в рамках более или менее осознанных «жизненных планов»³, в свою очередь основанных на системах субъективно последовательных потому-что мотивов⁴. Хотя большая часть повседневной деятельности осуществляется без того, чтобы в сознании актора присутствовали ясно осознанные проекты, это лишь означает, что «такие проекты не предшествуют непосредственно действию и либо скрыты в прошлой внутренней жизни актора, либо временно находятся вне его поля зрения и... скрыты в будущем» [1, р. 39].

Другие элементы единичного акта также могут интерпретироваться как с субъективной, так и с объективной точки зрения. Так «актор», с одной стороны, — это концепция, построенная наблюдателем для обозначения типичного социального человека. Это «та часть личности Другого (alter ego), которая проявляется в исполненном действии, интерпретированном наблюдателем в качестве типичного» [1, р. 43]. С другой стороны, именно «этот Другой (ego) определяет время своего действия, решает, какие факторы его личности значимы для данной ситуации, или... какое из его нескольких Я должно предпринять действие. Эта «роль» не совпадает и не может совпадать с концепцией «актора», сформированной сторонним наблюдателем» [1, р. 43].

Но почему социолог должен интересоваться субъективными категориями актора? Шютц отвечает на этот вопрос следующим образом. Есть два типа социальной науки. Первый тип охватывает различные формы объективизма. Его характерная особенность — «наивно принимать социальный мир со всеми его субъектами (alter egos) и институтами в качестве наполненной смыслом вселенной, то есть наполненной смыслом для наблюдателя, научная задача которого состоит лишь в том, чтобы описать и объяснить свой собственный опыт и опыт других наблюдателей этого мира» [1, р. 46]. При этом анализ субъективных процессов, происходящих в субъектах (egos), представляется ненужным для описания и объяснения фактов социального мира. Шютц утверждает, что такая социальная наука не имеет непосредственно дела с миром повседневной жизни, общим для всех нас, а работает с миром «умело выбранных идеализаций и формализаций социального мира, которые не противоречат его фактам» [1, р. 48]. Представители второго типа

¹ «Наивно», то есть в рамках естественной установки, — термин Гуссерля.

² Шютц определяет мотив действия как простейший комплекс значений, в терминах которого актер интерпретирует свое действие. Для-того-чтобы мотивы в терминологии Шютца относятся к будущему и представляют собой цели или намерения, для реализации которых осуществляется данное действие. Это будущее состояние дел, которое должно быть реализовано с помощью планируемого действия.

³ Жизненный план или проект в терминологии Шютца — это действие, которое актер намерен осуществить и которое представлено в его воображении как уже совершившееся.

⁴ Потому-что мотивы в терминологии Шютца относятся к прошлому, это причины или основания действия.

социальной науки задаются вопросом: «Какой смысл социальный мир имеет для наблюдаемого актора, действующего в этом мире, и что актор имеет в виду, когда действует именно так, а не иначе?» В рамках такой программы социолог «не может больше наивно принимать за данность социальный мир со всеми его текущими идеализациями и формализациями, он не принимает смысл социального мира в качестве готового и не подлежащего сомнению, а исследует сам процесс идеализации и формализации, генезис того значения, которое социальные явления имеют для нас и для акторов, механизм деятельности, посредством которого люди определяют, что происходит как для себя, так и для других» [1, р. 48]. Хотя объективистский тип социальной науки имеет право на существование и может игнорировать субъективную точку зрения, для теории социального действия это недопустимо. Последняя «должна учитывать субъективную точку зрения в полной мере, иначе она утратит свое основание, а именно связь с социальным миром повседневной жизни и опыта. Бережное отношение к субъективной точке зрения — это единственная, но и достаточная гарантия того, что социальная реальность не будет заменена вымышленным, несуществующим миром, сконструированным неким научным наблюдателем» [1, р. 50].

Но можно ли вообще построить второй тип социальной науки? Ведь сам Шютц настаивал на фундаментальном различии между исследователем и обычным человеком, вытекающем из различий в их установках (attitudes) по отношению к социальному миру: «Строго говоря, в качестве чистого наблюдателя социального мира социолог не действует [а только наблюдает]. <...> Для того чтобы стать социологом, наблюдатель должен настроить себя таким образом, чтобы как бы выйти за рамки социального мира, оставить в стороне какую-либо практическую в нем заинтересованность и ограничить свои для-того-чтобы мотивы задачей честного описания и объяснения того, что он видит» [1, р. 57]. При этом социолог не может непосредственно, без коммуникации с акторами, верифицировать данные, которые он собрал из различных источников, доступных для него в социальном мире. Ему необходима концептуальная схема, с помощью которой эта информация может быть сгруппирована. Техника конструирования таких схем заключается в том, чтобы «заменить живых людей, которых социолог наблюдает в качестве акторов на социальной сцене, куклами, которых он сам создает» [1, р. 58]. Таким образом, социолог располагает только моделью социального мира, или его реконструкцией; если он будет следовать определенным правилам, данная модель будет отражать типичные характеристики социального мира. Шютц формулирует несколько таких правил, которые он называет постулатами⁵:

⁵ В изданной в 1943 г. статье Шютц несколько изменил формулировки. Постулаты (принципы) релевантности и адекватности остались в прежнем виде, но к ним добавились постулат субъективной интерпретации («для того чтобы объяснить какой-либо факт в качестве результата деятельности в рамках понятных отношений, социолог должен спросить, какой тип индивидуального сознания может быть построен и какие типичные мысли должны быть ему свойственны»), а также постулат рациональности («идеальный тип социального действия должен строиться таким образом, чтобы в реальном мире актор, если он облада-

1. *Постулат релевантности*: проблема, изучаемая социологом, должна служить системой отсчета и определять границы, в рамках которых может быть построен соответствующий идеальный тип;
2. *Постулат адекватности*: каждый термин, использованный в научной схеме и относящийся к человеческому действию, должен быть сконструирован таким образом, чтобы действие, осуществленное в жизненном мире индивидуальным актором в соответствии с типической конструкцией, было бы в принципе понятно и имело смысл для самого актора и его окружения;
3. *Постулат логической последовательности*: система идеальных типов должна оставаться полностью совместимой с принципами формальной логики;
4. *Постулат совместимости*: система идеальных типов должна содержать только научно верифицируемые предположения, полностью совместимые с накопленным научным знанием [1, p. 59-60].

По замыслу Шютца, данные постулаты являют собой мост между научным миром рациональности и «реальным» миром повседневной жизни. В этом смысле его проект эклектичен. Не вполне ясно, как сочетать требования постулата адекватности с требованиями постулатов логической последовательности и совместимости, и нет гарантий, что такое сочетание осуществимо. Кроме того, если социальная наука — это всего лишь конструкция второго порядка⁶, паразитирующая на здравом смысле, то ее оправдание становится проблематичным. Эти проблемы встали на пути тех исследователей, которые восприняли теоретические изыскания Шютца как руководство к действию. По словам Хэритеджа, «работы Шютца со всей присущей им осторожностью и тщательностью освещают нам путь, пока внезапно мы не обнаружим себя на краю обрыва. Все традиционные рекомендации отброшены, и нет никакой ясности относительно того, каким образом можно двигаться дальше» [3, p. 72]. Действительно, Шютц подчеркивал, что социологи обязаны стремиться к созданию полностью рациональных моделей действия

отчетливым и ясным научным знанием ситуации и всех элементов, существенных для его выбора, мог бы совершить типичный акт и проявлять устойчивую тенденцию выбирать наиболее подходящие средства для реализации наиболее подходящих целей» [2, p. 85, 86].

⁶ Конструкции второго порядка, или конструкции конструкций акторов социальной сцены, чье поведение представитель социальной науки должен наблюдать и объяснять согласно процедурным правилам своей науки. Основное отличие социальных наук от естественных состоит в том, что поле наблюдения представителя социальных наук — социальная реальность — обладает определенным смыслом и структурой релевантностей для тех людей, которые в ней живут, действуют и думают. Посредством ряда построений, исходящих из здравого смысла, эти люди уже осуществили отбор и интерпретацию мира, который они воспринимают как реальность своей повседневной жизни. Именно эти мысленные объекты определяют и мотивируют их поведение. Для того чтобы охватить эту социальную реальность, мысленные объекты, конструируемые представителем социальной науки, должны базироваться на мысленных объектах, конструируемых в процессе мышления, здравым смыслом людей, живущих своей повседневной жизнью в социальном мире [4, p. 59].

и представлять элементы этих моделей в предельно ясном и логичном виде, но все содержание его собственной теории говорит о том, что классификационные схемы, которыми акторы оперируют в своих повседневных обстоятельствах, носят запутанный, прерывистый, «недо-определенный» характер. Хотя Шютц настаивал, что можно построить рациональные модели таким образом, что они будут отражать вышеуказанные характеристики субъективной точки зрения актора, сам он нигде не продемонстрировал в полной мере, что такая модель будет представлять собой на практике. Кроме того, остается открытым вопрос, каким образом эти «недоопределенные» системы конструкций могут быть предметом методически контролируемых процедур исследования [3, р. 72].

Мост между научной рациональностью и повседневностью остается весьма проблематичным, хотя статус социологических знаний изучается несколькими поколениями социологов [5]. Похоже, в 1941 г. Шютц твердо верил в возможность наведения мостов. В предпоследнем письме к Парсонсу он пишет: «Вы должны сделать еще несколько шагов в направлении радикализации Вашей теории для того, чтобы прийти к более общей концепции, которая, с одной стороны, позволит применить Вашу теорию к проблемам, в настоящее время находящимся вне пределов ее досягаемости, а с другой, позволит более последовательно сформулировать Ваши основные идеи и, прежде всего, концепцию «субъективизма» [1, р. 105]. Судя по всему, Шютц рассматривал свой собственный проект именно в качестве такой радикализации.

В своем ответе Парсонс прежде всего указал на различия интересов как основной источник разногласий между ним и Шютцем и, более того, на нерелевантность утверждений Шютца для проблем эмпирической науки. Парсонс пишет: «Мне кажется, что Вас просто не интересует то, что я называю теорией в отличие от методологии» [1, р. 65]. И далее: «Во многих случаях Вы поднимаете определенные философские проблемы ради них самих, проблемы, которые я вполне сознательно, имея особые методологические на то оправдания, не затрагивал» [1, р. 66]. «Вы делаете утверждения, которые в той формулировке, которую вы им даете, звучат вполне убедительно; но мне все время хочется спросить: «Ну и что из этого?» Если я приму Ваши положения вместо своих собственных формулировок, которые Вы критикуете, что это изменит в интерпретации любой из эмпирических проблем, которые рассматриваются в моей книге, или в формулировке структуры теории?» [1, р. 67].

Последовавшая дискуссия скорее углубила, чем разрешила разногласия между Парсонсом и Шютцем. Так, на программный призыв Шютца принять во внимание субъективную точку зрения Парсонс отвечал: «Я продолжаю настаивать на использовании субъективной точки зрения, но только в форме субъективных категорий в концептуальной схеме, а не при описании того, что социальный мир «действительно» собой представляет» [1, р. 90]. «Нет никакой необходимости в чем-либо вроде детального знания личности и мотивов каждого актора для того, чтобы иметь валидное знание о действии» [1, р. 86]. «Субъективные явления имеют смысл только в качестве описаний и анализа наблюдателя» [1, р. 88].

Парсонсовская позиция в отношении субъективной точки зрения основывалась, в свою очередь, на тезисе о принципиальном сходстве между ло-

гикой повседневной жизни и научной логикой. Для Парсонса вопрос о демаркационной линии между интерпретациями социальных фактов с точки зрения здравого смысла и научными утверждениями — это «вопрос чистоты, а не базового методологического принципа» [1, р. 69]. Он пишет: «Я сомневаюсь... в том, что вообще есть такая вещь, как способная выдержать критику «субъективная концепция истины», которая адекватно описывает логику руководствующихся здравым смыслом действий, но при этом отличается от научной концепции истины. Мое утверждение о непрерывности базовых категорий логики и наблюдений в самой методологически изощренной науке, с одной стороны, и в самом простом, руководствующемся здравым смыслом, действии, с другой стороны, имеет фундаментальное значение для всей моей позиции» [1, р. 76]. Для Парсонса то, что актора «не интересует поиск истины и определенности» и что он «не стремится раскрыть научную истину, а хочет лишь взвесить свои личные шансы на успех», вовсе не доказывает неприложимости научных стандартов верификации. «Как может он [актор] судить о своих шансах на успех без того, чтобы судить об истинности тех соображений, на которых строятся его предсказания?<...> Я просто не вижу, как можно взвешивать шансы и риск без того, чтобы не встал вопрос о верификации знания» [1, р. 77].

Такая позиция в отношении рациональности актора позволяет Парсонсу защитить от критики Шютца все свои основные положения: концепцию действующего субъекта (agensu), концепцию нормативных элементов, концепцию единичного действия и т. д. Однако особый интерес в его ответе представляет анализ собственных философских посылок, а также философских посылок Шютца, различие между которыми предопределило, по мнению Парсонса, разногласия между ними в области социологической теории.

Философские истоки расхождения Парсонса и Шютца

Шютц критикует парсонсовское определение факта как «эмпирически верифицируемого утверждения относительно явления, сделанного в терминах концептуальной схемы», за смешение, «во-первых, фактов и явлений, как они даны человеческому сознанию (mind); во-вторых, интерпретаций этих фактов и явлений в рамках концептуальной схемы; и, в-третьих, утверждений об этих фактах и их интерпретациях» [1, р. 10]. Парсонс переводит дискуссию в русло обсуждения общего вопроса об отношении между структурой утверждений и опытом восприятия внешнего мира. Его позиция состоит в том, что дистинкции, на которых настаивает Шютц, хотя и могут быть важны для определенных целей, но в общем и целом нереалистичны: «Собственно говоря, концептуальную схему можно отделить только аналитически от данного опыта восприятия. Мы всегда наблюдаем, то есть воспринимаем, в терминах концептуальной схемы. Более того, именно потому что опыт восприятия концептуализирован, и именно настолько, насколько он концептуализирован, он может быть содержанием утверждений» [1, р. 68].

Действительно, рассмотренный с этой позиции вопрос о субъективной точке зрения теряет свою остроту, и различиями между субъективной и объективной точками зрения можно пренебречь. Парсонс вправе сказать: «Я думаю, что то, что Вы, в сущности, имеете в виду, — это онтологическая

реальность, то, что конкретный актер «действительно» переживает в опыте восприятия. У меня есть все основания быть скептиком относительно возможности с помощью Вашего или какого-либо еще анализа прийти к чему-то, что хотя бы отдаленно напоминало бы четкое описание такой реальности. Должен признаться, что я отношусь скептически к феноменологическому анализу» [1, p. 88].

Для Шютца, напротив, различия между тем, что первоначально дано в опыте восприятия, интерпретацией этого опыта и утверждениями об этих интерпретациях имеют принципиальное значение. Он проводит демаркационную линию между «объективным», научным знанием и «субъективным запасом знаний»⁷, то есть тем знанием, которое, не будучи рациональным и верифицируемым в строгом смысле этих терминов, тем не менее, служит источником научных категорий, поскольку базируется на интересубъективных схемах опыта, лежащих в основе общего для всех мира повседневной жизни. Если мир не задан заранее, то тогда установки по отношению к нему (практическая установка для актера и установка на чистое наблюдение для социолога) приобретают конструктивную роль. Очевидно, что существует множество миров. Различие между здравым смыслом и научными построениями имеет своим источником переход от биографически определенной ситуации к ситуации научной [6, p. 38]. Мир социальной науки — это мир, населенный куклами, для которых характерно полное отсутствие спонтанности и субъективности. Если социолог не хочет потерять связь с миром повседневной жизни, он должен следовать определенным правилам или постулатам.

Таким образом, теоретические разногласия между Парсонсом и Шютцем имеют философские корни. Тем не менее Шютц настаивает на том, что «здесь имеет место различие в терминологии, а не в мыслях» [1, p. 101]. Парсонс продолжает считать, что их философские и теоретические позиции несовместимы. В 1974 г. он пишет: «Хотя я думаю, что я стал значительно более умудренным в этих вопросах по сравнению с началом сороковых, я по-прежнему с не меньшим убеждением придерживаюсь того, что можно назвать кантианской точкой зрения <...> То есть рациональное понимание человеческого действия, включая, в частности, субъективные состояния ума акторов, требует комбинации, эквивалентной тому, что Кант называл комбинацией чувственных данных с категоризацией, что, по моему мнению в конечном счете есть культурная целостность <...> Мне кажется, что Шютц, со своей стороны, считает, что субъективное состояние актора доступно не-

⁷ В оригинале “subjective stock of knowledge”. Шютц называет такое знание «знанием кулинарных книг» или «рецептами» («cook-book knowledge», «recipes»). «Человек улицы обладает практическим знанием многих, не обязательно связанных между собой областей. Это знание рецептов того, как в типичной ситуации достичь типичных результатов типичными средствами. Рецепты указывают на процедуры, которым можно доверять, даже если они не вполне понятны. Следуя предписанию, как если бы это был ритуал, можно достигнуть желаемого результата, не задаваясь вопросом, почему данные шаги должны быть сделаны и сделаны именно в этой последовательности. Такое знание, при всей его туманности, тем не менее обладает *достаточной* точностью для реализации конкретной практической цели» [7, p. 122].

посредственному опыту через то, что Гуссерль называет «феноменологической редукцией», которая может обойтись без такой «концептуальной схемы» [1, р. 116]. «Феноменологическая точка зрения, в особенности та ее версия, которую представляет Шютц, кажется мне относительно скромной попыткой дать приоритет субъективной части или, если угодно, одной стороне картезианской и посткартезианской дилеммы» [1, р. 118].

Кто же в данном случае прав? Действительно ли позиция Шютца противоречит кантианскому тезису об универсальных схемах категоризации, присущих человеческому разуму, или здесь имеет место различие в терминологии, а не в идеях? На первый взгляд, прав Парсонс. В самом деле, Шютц критикует Парсонса за то, что тот принимает за данность, за нечто само собой разумеющееся многие явления, которые на самом деле требуют дальнейшего исследования, и подчеркивает, что такая позиция допустима только если Парсонс «предполагает, что весь социальный мир со всеми его структурными подразделениями просто дан нам, как он есть» [1, р. 104]. Однако любопытно, что сам Шютц не поднимает кантианского вопроса о восприятии «внешнего мира», а говорит только о социальном мире, который не может рассматриваться в качестве данности потому, что он является продуктом деятельности людей, которая происходит здесь-и-сейчас, в то время, когда на них смотрит наблюдатель⁸. Как и Парсонс, Шютц испытал влияние Вебера, который был, как известно, кантианцем. Шютц настаивает на существенном различии между научной картиной мира и представлениями о мире обычных людей, которыми они руководствуются в своей повседневной деятельности; в качестве новой области исследований он предлагает рассмотреть категоризации, используемые людьми при построении «их миров». Такая задача не обязательно противоречит кантианской эпистемологической позиции, она просто открывает новую перспективу в социологии. То, что Парсонс принимает за «культурную целостность», лежащую в основании любого восприятия Другого и любого взаимодействия с Другим, Шютц рассматривает в качестве научной проблемы. В этом смысле спор между Парсонсом и Шютцем основывался на недоразумении, а именно на вере Шютца

⁸ В одной из работ, изложив свои постулаты, Шютц пишет: «Но тому, кого не удовлетворяют такие гарантии и кто будет продолжать спрашивать о еще большей реальности, я хочу сказать, что, к сожалению, я не знаю точно, что такое реальность, и мое единственное утешение в этой неприятной ситуации состоит в том, что я разделяю мое невежество с величайшими философами всех времен. Я хочу снова процитировать Вильяма Джеймса и его выдающуюся теорию различных реальностей, в которых мы живем в одно и то же время. Думать, что наука имеет дело с реальностью, если мы рассматриваем в качестве модели реальности мир повседневной жизни, значит не понимать, в чем состоит сущность науки. Мир физика, так же как и мир социолога, не более и не менее реален, чем может быть вообще реален мир мысли. Это не тот мир, в котором мы действуем и в котором мы рождаемся и умираем. Но это настоящий дом для тех важных событий и достижений, которые человечество во все времена называет культурой» [2, р. 88]. Эта мысль была твердо усвоена Гарфинкелем, прекрасно понимавшим, что, приступая к исследованию, социологи имеют дело не с «сенсорными данными», а с обществом, которое они познают, так же как и все остальные члены общества, самыми различными путями [8].

в то, что Парсонс заинтересован в поиске субъективных категорий в сознании актора.

Гарфинкель о различиях между теоретическими взглядами Парсонса и Шютца

Десять лет спустя Гарфинкель, вероятно всего, ничего не зная о переписке Парсонса с Шютцем, поднял в своей докторской диссертации те же проблемы. Для Гарфинкеля эти авторы воплощают два основных направления развития теории после Макса Вебера. На первый взгляд, Гарфинкель, как и Парсонс, считает позиции Шютца и Парсонса несовместимыми. Он рассматривает их в качестве альтернативных решений проблемы порядка, вытекающих, в частности, из выбора, сделанного обоими среди альтернативных теорий реальности, а именно, теории соответствия (*correspondence theory*) — Парсонсом — и теории конгруэнтности (*congruence theory*)⁹ — Шютцем.

По Гарфинкелю, теория соответствия утверждает, что есть фундаментальное различие между реальным миром и субъективной интерпретацией реального мира, так что, с одной стороны, мы имеем конкретные объекты во всей их полноте, а с другой — концептуальные представления об этих объектах. Как следствие, субъективная интерпретация мира становится главной проблемой: в философии — проблемой эпистемологии, в науке — проблемой верификации. Объективность измеряется степенью приближения наших концепций реальности к самой реальности, что в принципе возможно благодаря рациональным процедурам, которым мы следуем при постижении реальности.

Напротив, теория конгруэнтности утверждает, что воспринимаемый объект «внешнего мира» и есть «конкретный объект», то есть что термины «воспринимаемый объект» и «конкретный объект» должны рассматриваться как синонимы. По словам Гарфинкеля, в теории конгруэнтности «вместо существования мира конкретных объектов, который теория режет так или иначе [как пирог], утверждается, что пирог конструируется самим актом разрезания; нет разрезания — нет пирога, нет никакой реальности где-то там, к которой приближаются наши представления, поскольку мир таков, каким кажется» [10, р. 95-96]. Конкретность объекта — это конкретность объекта, сконструированного в качестве целостности значений и только в качестве целостности значений. Лишь в той мере, в которой сенсорные сигналы воспринимаются как означающие нечто помимо их самих, они функционируют в качестве спецификаций объекта.

Соответственно, для теории конгруэнтности проблема объективности имеет совершенно другой смысл. Если в рамках теории соответствия вопросы о том, что собой представляет объективный мир и в чем состоит объективное знание, вполне законны, то в рамках теории конгруэнтности можно спрашивать только о том, какие бывают объективные миры и объективные

⁹ «Теория соответствия» — термин, заимствованный Гарфинкелем у Кауфмана [9]. Термин «теория конгруэнтности» придуман самим Гарфинкелем для обозначения так называемой «адекватной последовательной теории», за которую ратовал Кауфман [10, р. 92].

знания, то есть о «множественности реальностей». Фактически, с этой точки зрения, единственно существующие миры — это объективные миры. Альтернативой объективного мира будет мир, лишенный смысла, то есть воспринимаемый как «чистая актуальность сенсорных раздражений» [10, р. 98]. В теории конгруэнтности термин «субъективный» означает неспособность того, кто воспринимает мир в опыте, актуализировать объект, придать (intend) ему значение. Иными словами, в теории конгруэнтности как актор, так и наблюдатель выступают в качестве организаторов того, что их окружает.

Нетрудно заметить, что теория соответствия и теория конгруэнтности напрямую восходят к кантианской традиции, с одной стороны, и к феноменологии Гуссерля — с другой. Вообще для Гарфинкеля вполне очевидны философские истоки как Парсонса, так и Шютца, однако он не удовлетворяется простым указанием на кантианскую и гуссерлевскую традиции в качестве оснований различных подходов к построению общей социологической теории. Гарфинкель предпринимает нечто куда более радикальное. Он предлагает рассмотреть социологические теории (теории вообще, и теории Парсонса и Шютца в частности) в качестве тавтологий [10, р. 5]. Тавтологичность теории означает, что как только выбор (предшествующий построению теории), скажем, между теорией соответствия и теорией конгруэнтности сделан, он определяет объект, перспективу, содержание и грамматику исследования, и все это можно анализировать без соотнесения теории с онтологической реальностью.

В более развернутом виде мысль о тавтологичности социологических теорий появляется через восемь лет в другой неопубликованной работе Гарфинкеля [8]. Идея проста, но чрезвычайно взрывоопасна. Социологические занятия представляют собой трансформацию смысла, где на входе мы имеем социальный мир, как его знают далекие от социологии люди, да и сами социологи в своей непрофессиональной ипостаси, а на выходе — социологические описания, среди которых особое место занимают социологические теории. Надо сказать, что Гарфинкель относился к парсонсовской теории с огромным уважением. Рукопись открывается, вероятно, самым полным из всех имеющихся списком критических возражений Парсонсу, большая часть которых, по мнению Гарфинкеля, несостоятельна. Многие из известных и легких в основу новых направлений в социологии аргументов против Парсонса классифицируются Гарфинкелем как «верно, но тривиально», «верно, но не относится к делу», «было бы очень важно, если бы было верным, но неверно». По мнению Гарфинкеля, теория Парсонса, будучи одним из множества возможных решений проблемы социального порядка, представляет собой исключительное по своей оригинальности, строгости, охвату и влиятельности решение [8]. Тем не менее, она тавтологична.

Социологические теории тавтологичны, поскольку принятые позиции по вопросам о природе социальной реальности определяют все остальное. Действительно, правила построения теории не допускают противоречий, в этом смысле теория просто рисует один из возможных миров и говорит только то, что говорит. Другие решения — другая теория. Так, для теорий, решающих проблему социального порядка, Гарфинкель выделяет следующие общие аналитические проблемы: теория объектов; логический статус эмпирических идеальных типов; проблема наблюдателя как части поля на-

блюдения; инвариантные элементы социального действия; природа социальных отношений; логический статус субъективных категорий [10, p. 90, 91]. Любая теория социального порядка должна дать тот или иной ответ на эти вопросы. В зависимости от ответов (которые, будучи результатом претеоретических решений, тем не менее, руководят процессом построения социологической теории) мы получаем различные решения проблемы порядка, в частности, теории Парсонса и Шютца.

Ни Парсонс, ни Шютц не считали свои позиции результатом произвольного выбора теории реальности, напротив, каждый из них полагал, что его позиция хорошо обоснованна. Так, Парсонс апеллировал к общей для всех наук процедуре верификации и даже свое неокантианское понимание концептуализации субъективного опыта старался подкрепить ссылками на работы Мида, Пиаже и Фрейда [1, p. 16, 86]. В его глазах только фактические знания могут опровергнуть его теорию действия, сделать его формулировки такими же устаревшими и малопригодными для исследования, «как классическая механика непригодна для ядерной физики во времена квантовой теории» [1, p. 91]. Шютц, в свою очередь, считает свой подход к теории действия более реалистичным в том смысле, что он способен инкорпорировать субъективную точку зрения актора, которая представляет собой неотъемлемую часть социального мира. Гарфинкель отказывается теориям Парсонса и Шютца в онтологическом статусе и тем самым получает возможность преодолеть их несовместимость и обосновать свой собственный проект.

Этнометодологическая программа

Итак, социологические занятия суть трансформация смысла (социального мира во всех его проявлениях, известных членам общества), где в качестве трансформатора выступают процедуры социологического исследования. Парсонсовская теория действия и социальной системы состоит исключительно из набора правил трансформации смысла. Его теоретическая «система» состоит только из метода выделения существенных комплексов характеристик общества, которые можно наблюдать. Корректное приложение парсонсовских правил трансформации смысла дает одно из возможных социологических описаний. Социальные структуры, если под ними понимать любое описание социальной реальности, принятое в качестве отправной точки, преобразуются в «реальные социальные структуры». Что будет считаться «существенным», «возможным» и «реальным», разумеется, определяется тем, что в данный момент считается методом, а также программой, установками, предметом исследования и критериями оценки результатов исследования в социологии [8].

Тем не менее, Гарфинкель очень многое взял у Парсонса. В частности, Парсонс повлиял на Гарфинкеля своим постоянным вниманием к проблеме социального порядка. В диссертации Гарфинкеля критика парсонсовского решения сфокусирована главным образом на концептуализации знаний, которые актор привносит в ситуацию. И здесь Гарфинкель разделяет тезис Шютца о фундаментальном отличии научной рациональности от здравого смысла. Он согласен, что «рациональное действие», как оно определено Парсонсом, не характерно для социального мира, и что в схему анализа социального действия должны быть внесены соответствующие изменения. Так

же как и Шютц, он считает, что установки по отношению к социальному миру играют конструктивную роль. Более того, Гарфинкель утверждает, что, хотя все теоретические постановки проблемы порядка относительно (каждая хорошо построенная теория обладает своими достоинствами с точки зрения эстетики, прагматических целей, эвристичности и т. д.), естественная установка абсолютна¹⁰. Только в рамках естественной установки проблема порядка теряет свой относительный характер, потому что внутренняя и временная последовательность опыта возможны только при условии стабильной онтологии [10, р. 27].

Но в отличие от Шютца, Гарфинкель не мог удовлетвориться чисто теоретическими рассуждениями. Его волновала проблема описания — охватить явление во всей его эмпирической конкретности представлялось ему чрезвычайно сложной и увлекательной задачей. Фактически, Гарфинкель поставил перед собой цель сделать из теоретических положений Шютца программу эмпирического социологического исследования. И, наконец, как уже было сказано, его интересовало решение проблемы социального порядка. Причем он не хотел идти по пути построения тавтологических моделей, когда все уже предreshено на этапе дотеоретических описаний. Нужно объяснить социальный порядок без того, чтобы прибегать к теоретическим конструктам, то есть не описывать социальный мир в качестве игры кукол, а увидеть «как люди, будучи отдельными и в то же время странным образом сопричастными существами, осуществляют построение, проверку, поддержание, изменение, подтверждение, оспаривание и определение порядка — *вместе*» [10, р. 114]. На самом фундаментальном уровне, когда все теоретические предположения отброшены, проблема социального порядка — это «проблема того, как люди строят, проверяют, изменяют и сохраняют [социальный] мир» [10, р. 28] (курсив мой. — И.Д.).

Первым шагом на пути осуществления этой программы стало установление «новой территории социологического анализа: исследование свойств практического здравого смысла в повседневных ситуациях действия» [11, р. 231]. Но так как «деятельность, посредством которой члены [общества] производят ситуации и обстоятельства организованных повседневных дел, идентична процедурам, посредством которых члены [общества] делают эти ситуации и обстоятельства “видимыми”» [12, р. 1], первый шаг оказывается достаточным и в этом смысле последним¹¹.

¹⁰ Гарфинкель также не разделяет скептицизм Парсонса по отношению к феноменологической традиции. С точки зрения Гарфинкеля, было бы более правильным употреблять термин «феноменология» по отношению ко всем правилам, которые можно обнаружить в любой перспективе — научной, религиозной, эстетической, практической и т. п., — правилам, посредством которых определенные области опыта конструируются. Каждая перспектива задается «правилами, посредством которых делается различие между тем, что считается теорией, и тем, что считается «данными», будь то теория и данные «внешнего мира» или «внутреннего мира». Это верно как для бизнесмена, так и для ребенка, как для ученого, так и для теолога» [10, р. 109-110].

¹¹ Этнометодология — это прежде всего метод, позволяющий увидеть то, что «все видели, но не замечали». Результатом оказывается не теория, а то, что Гарфинкель называет каталогом социологических исследований. Социология, по

ЛИТЕРАТУРА

1. The Theory of Social Action / Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978.
2. Schutz A. The Problem of Rationality in the Social World // Schutz A. Collected Papers. Vol. 2. Netherlands: Martinus Nijhoff, 1976.
3. Heritage J.C. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1984.
4. Schutz A. Concept and Theory Formation in Social Sciences // Schutz A. Collected Papers. Vol. 1. Netherlands: Martinus Nijhoff, 1971.
5. Bauman Z. Hermeneutics and Modern Social Theory // Social Theory of Modern Societies: Antony Giddens and His Critics. Ch. 2 / Ed. by D. Held, J.B. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
6. Schutz A. Constructs of Thought Objects by the Social Sciences // Schutz A. Collected Papers. Vol. 1. Netherlands: Martinus Nijhoff, 1971.
7. Schutz A. 'The Well-Informed Citizen': An Essay on the Social Distribution of Knowledge // Schutz A. Collected Papers. Vol. 2. Netherlands: Martinus Nijhoff, 1976.
8. Garfinkel H. Parsons' Primer «Ad Hoc Users». University of California at Los Angeles, 1960. Retyped version (UK). [Неопубликованная рукопись, составленная Гарфинкелем на основе материалов курса семинаров, который он вел в весеннем семестре 1959 г. в университете Калифорнии].
9. Kaufman F. Methodology of the Social Science. Oxford: Oxford University Press, 1944.
10. Garfinkel H. The Perception of the Other: A Study of Social Order. Harvard University, 1952. [Неопубликованная докторская диссертация (Ph.D.)]
11. Heritage J.C. Ethnomethodology // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Cambridge, England: Polity Press, 1987.
12. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Cambridge, England: Polity Press, 1992.

мнению Гарфинкеля, пока не достигла того уровня, когда можно было бы в принципе ставить вопрос о теории. Социология сегодняшнего дня — это, по преимуществу, социологическая манера разговора об обществе, а не описание действительно существующей социальной системы (ее еще предстоит описать). Поэтому на повестке дня стоит проведение исследований, которые бы действительно схватывали то, как социальная жизнь осуществляется, а не были бы просто неадекватными ее реконструкциями [12].